

© 2026. Т. В. Коренькова

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
г. Москва, Россия

**Феномен терроризма в «Рассказе неизвестного человека»
и эхо чеховской поэтики в прозе Л. Н. Андреева
и Т. Л. Щепкиной-Куперник**

Аннотация: Историко-культурный феномен массового политического террора возник в последней трети XIX в. и проявился под лозунгом «пропаганда действием» во всех ведущих государствах мира. Парадоксальный характер идеологий терроризма и логика антиномичного поведения террористов-смертников вызвали интерес у ученых, медиков, юристов, публицистов, писателей. В 1880-х гг. внимание к этой теме в России усилили сообщения об «эпидемии безумия» заключенных и охранников Шлиссельбургской крепости, серии разоблачений народолюбцев, ставших тайными агентами полиции, и, наоборот, — революционной агентуры в жандармском управлении. Статья анализирует художественные особенности «Рассказа неизвестного человека» Чехова, где писатель-врач предложил свое объяснение аномалий и парадоксов поведения террористов. Также прослеживается эхо чеховских художественных приемов в повести «Тьма» Л. Н. Андреева и рассказе «Первый бал» Т. Л. Щепкиной-Куперник. Сравнительный анализ продемонстрировал «творческое отталкивание» и завуалированную полемичность произведений писателей Серебряного века по отношению к «диагностическому реализму» чеховской повести.

Ключевые слова: А. П. Чехов, Л. Н. Андреев, Т. Л. Щепкина-Куперник, «Рассказ неизвестного человека», «Тьма», «Первый бал», психология террора

Информация об авторе: Татьяна Викторовна Коренькова, кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2, 117198 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4829-4947>

E-mail: tvkorenkova@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 14.08.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 16.10.2025

Дата публикации статьи: 25.03.2026

Для цитирования: Коренькова Т. В. Психология террора в «Рассказе неизвестного человека» и эхо чеховской поэтики в прозе Л. Н. Андреева и Т. Л. Щепкиной-Куперник // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 1. С. 226–257. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-1-226-257>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 1, 2026, pp. 226–257. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 1, 2026, pp. 226–257. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. Tatiana V. Korenkova

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russia

The Phenomenon of Terrorism in “The Story of an Unknown Man” and the Echo of Chekhovian Poetics in the Prose of L. N. Andreev and T. L. Shchepkina-Kupernik

Abstract: The unprecedented historical and cultural phenomenon of mass political radical terror emerged in the last third of the 19th century and manifested itself under the slogan “Propaganda of the deed” in all the leading countries of the world. The paradoxical nature of the terrorism ideologies and the logic of suicide terrorists’ antinomic behavior have aroused great interest among philosophers, physicians, psychologists, lawyers, criminologists, publicists, and writers. In the 1880s, attention to this topic in Russia was heightened by reports of an “epidemic insanity” among prisoners and prison guards in the Schlüsselburg Fortress, as well as a series of scandal revelations about Narodovoltsy (“Nihilists”) who had become secret police agents and vice versa — scandals involving revolutionary underground fighters that were infiltrated into the Secret Police Department. The article examines the features of innovative poetics of Chekhov’s “The Story of an Unknown Man,” where the physician writer offered his explanation of anomalies and paradoxes of terrorist behavior in terrorists’ psychology. The article notes the echo of Chekhov’s artistic techniques in the novella “The Dark” by L. N. Andreev and “Her First Ball” by T. L. Shchepkina-Kupernik. The comparison of these three works demonstrated the “creative moving away” and veiled polemic of the Silver Age writers towards Chekhov’s “diagnostic realism.” The comparative analysis demonstrated the “creative moving away” and veiled polemic of the Silver Age writers’ works towards the “diagnostic realism” of Chekhov’s story.

Keywords: A. P. Chekhov, L. Andreev, T. Shchepkina-Kupernik, “The Story of an Unknown Man,” “The Dark,” “Her First Ball,” psychology of terrorism

Information about the author: Tatiana V. Korenkova, PhD in Philology, Associate Professor, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St., 10/2, 117198 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4829-4947>

E-mail: tvkorenkova@mail.ru

Received: August 14, 2025

Approved after reviewing: October 16, 2025

Published: March 25, 2026

For citation: Korenkova, T. V. “The Phenomenon of Terrorism in ‘The Story of an Unknown Man’ and the Echo of Chekhovian Poetics in the Prose of L. N. Andreev and T. L. Shchepkina-Kupernik.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 1, 2026, pp. 226–257. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-1-226-257>

Интерес Чехова к художественному изучению психологии политического терроризма, проявившийся в многолетней работе над замыслом «либеральной повести» [Чехов П. 5: 87] о народовольце (под рабочим названием «Рассказ моего пациента»), сегодня кажется парадоксальным. Но для современников писателя причины его обращения к подобной теме были вполне объяснимы. В общественном сознании память о внезапно возникшей первой волне идеологически мотивированного террора лево- и праворадикальных движений последней трети XIX в., жертвами которого только за 35 лет стало несколько тысяч человек, включая глав всех ведущих государств тех лет, затмили последующие, более масштабные новые волны проявления этого феномена в XX–XXI вв.

Осмыслить комплекс социально-политических, историко-культурных, психологических и этических аспектов этого явления средствами науки и искусства пытались многие выдающиеся ученые, политики, богословы, публицисты и писатели. По мнению историка Ж. Феррагю, «именно из царской России конца XIX века терроризм внезапно ворвался в современность. <...> Под пером Достоевского он обретет форму литературного посвящения и каким-то образом войдет в культурный ландшафт европейцев» [Ferragu: 71]. Реалии и противоречия российской действительности тех лет дали импульс возникновению жанра антинигилистического романа [Цейтлин: 40–65; Зубков 2015] и литературе противоположной идейной направленности — «подпольной литературе» [Степняк-Кравчинский: 42, 136], пронародническому социально-политическому роману, мемуарной и документально-приключенческой прозе участников революционного движения.

В задачи данной статьи входит изучение особенностей поэтики «Рассказа неизвестного человека» и чеховского художественного новаторства в контексте современной ему отечественной острополитической прозы, а также влияние этой повести на сюжетно близкие

произведения Т. Л. Щепкиной-Куперник и Л. Н. Андреева, заметных представителей Серебряного века, которые были лично знакомы с Чеховым и считали себя его учениками.

Источниками, важными для понимания историко-культурного контекста произведений, являются эпистолярное наследие и факты биографий писателей, круг их чтения. Принимая во внимание «цензуроопасность» любого изображения конспиративной жизни подпольщиков в печати и риски перлюстрации частной корреспонденции¹, исследование учитывает некоторые косвенные свидетельства интереса авторов к запретной теме.

Чеховское отношение к типу главного героя повести, кроме рабочего названия замысла: «Рассказ моего пациента»², — отражено и во фразе из письма к А. С. Суворину от 30 декабря 1888 г.: «Социализм — один из видов возбуждения» [Чехов. П. 3: 111].

О погруженности писателя в размышления о природе политического террора свидетельствуют его обсуждение с А. С. Сувориным, П. Н. Островским и А. Н. Плещеевым брошюры одного из бывших идеологов революционного террора Л. А. Тихомирова «Почему я перестал быть революционером» (1888) и реакции на нее П. Л. Лаврова в неподцензурном «Письме товарищам в России по поводу брошюры Л. А. Тихомирова» (Женева, 1888).

Рождение и реализация замысла «либеральной повести» совпали с рядом сегодня почти забытых, но резонансных тогда событий: завершением в 1887 г. серии судебных процессов над террористами-народовольцами («Второго 1 марта», «Процесс 21», «Дело о тайной типографии и метательных снарядах, обнаруженных в гг. Новочеркасске и Таганроге» и др.), уходом из движения 58,8 % участников [Лурье: 60] и практически полным сворачиванием пропагандистской деятельности и террористической активности народовольцев. Эти процессы в России происходили на фоне ставших достоянием гласности эпизодов вынужденного взаимодействия сторонников «красного террора» с криминальным миром (ограбление Херсонского казначейства, «экс-

¹ В письме А. С. Суворину Чехов как бы мимоходом отметил: «Ваше письмо (последнее), по-видимому, читалось кем-то, прежде чем пришло ко мне» [Чехов П. 8: 243].

² О диагнозе, который мог быть поставлен «пациенту», см.: [Коренькова 2024: 72–73].

проприации», ситуативное использование услуг профессиональных контрабандистов) и распространения практики внедрения агентов-народников в госструктуры и провокаторов Охранного отделения в среде революционеров (самая известный скандал такого рода — «дегаевщина» [Корнильев; Овченко; Лурье: 106, 255–280]).

С медицинской точки зрения для доктора Чехова и его коллег большой интерес, кроме феноменального роста в 4–7 раз числа новых пациентов психиатрических клиник в России в 1879–1885/86 гг. [Архангельский: 298], представляли сведения о «почти повальном сумасшествии»¹ заключенных и их охранников в Шлиссельбурге в результате «психического заражения» [Ашенбреннер: 127–128, 174] в 1886–1889 гг. и массовое самоубийство политических заключенных на каторге в Усть-Каре (1889). Картину дополняли описания странностей антиномичного поведения неординарных личностей из среды народо-вольцев как при подготовке и исполнении терактов или «экспроприаций», так и в ходе открытых судебных слушаний и в последующие годы (например, С. Н. Халтурин, Г. Д. Гольденберг, А. И. Ульянов², Г. А. Лопатин, участники ограбления Херсонского казначейства — авантюристы Ф. Н. Юрковский и братья Франжоли, агент «Народной воли» в Департаменте полиции МВД Н. В. Ключников), а также поразившие современников казавшиеся внезапными обращения многих вчерашних бунтарей в людей, мечтающих в тюрьме в виде «романа написать целую эпопею народной жизни»³ [Аптекман: 79], видных писателей⁴ [Куликов: 130–136], а идейных террористов — в искренне верующих религиозных проповедников, консервативных публицистов, ученых-пер-

¹ Народо-волец описал «мучительнейшую из всех форм сумасшествия» [Морозов: 90]: страх сойти с ума, который сам по себе доводил заключенных до полу-сумасшествия.

² О впечатлении на современников речи 20-летнего теоретика террора А. И. Ульянова на открытом процессе можно судить по ремарке Александра III на докладе из зала суда: «Эта откровенность даже трогательна!!!» [Первое марта: 373. прим. 1]. Публика обсуждала, почему суд не обратил внимание ни на то, что изготовленная Ульяновым бомба при падении во время ареста метателей не взорвалась, ни на выявленные в ходе следствия дефекты взрывных устройств, ставившие под сомнение возможность их детонации [Первое марта: 149–153].

³ «Исповедь к друзьям» Д. М. Рогачева (1877).

⁴ О пребывании В. Г. Короленко в тюрьме см.: [Швецов 1927].

вопроходцев, успешных промышленников или даже прокуроров (как Н. А. Неклюдов).

Психологи конца XIX в. эти метаморфозы личностей террористов и парадоксы их поведения обычно связывали с малоисследованными тогда феноменами: мономанией (*monomanie*¹), гипнотизацией, неврозами и психическими эпидемиями [Бехтерев 1892; Розенбах: 464–466; Ломброзо; Бехтерев 1908; Clark & Crawford; Hahn; Коренькова 2025: 66–68], «самородным гипнозом»² или «эмоциональным заражением», суггестией, «психической инфекцией» на основе инстинкта подражания (теории И. Бернхейма и «Нансийской школы гипноза», Г. Тарда, Г. Ле Бона³, С. Сигеле [Сигеле]). Эти концепции вызывали интерес публики, что, в частности, отразилось в романе модного тогда беллетриста Ж. Кларети «Любовь интерна» (1881), герой которого русский врач-интерн Платофф, симпатизирующий народникам, в рассуждениях о случаях сумасшествия сопоставляет феномены сектантов-скопцов и русских нигилистов. Характерно, что к метафоре «идейного заражения» при описании политических реалий прибегали как сами народники (Н. К. Михайловский, Ашенбреннер и др.), так и их оппоненты:

На исцеление людей, заразившихся социальными идеями, не только трудно, но и невозможно рассчитывать. Фанатизм их превосходит всякое вероятие; ложные учения, которыми они проникнуты, возведены у них в верования, способные довести их до полного самопожертвования и даже до своего рода мученичества» (письмо М. Т. Лорис-Меликова Александру III от 31 июля 1880 г.) [Переписка: 114].

Внимание читающей публики во время Чехова в России и за ее пределами привлекали не только «приключения террористов», но и парадоксы их сознания. В поведении революционеров органично сочетались ранее казавшиеся несовместимыми черты: жертвенность во

¹ Здесь и далее в латинском написании используются те медицинские названия болезней, которые сегодня рассматриваются как устаревшие, но использовались во время Чехова.

² См.: [Рыбалкин].

³ Л. Н. Толстой, напротив, обвинял в «гипнотическом воздействии» институты государства, церкви и прессы («Христианство и патриотизм», 1893–1894) и писал про «гипнотизирующее действие» искусства в трактате «Что такое искусство?» (1897).

имя высокой идеи и пренебрежение «сопутствующими жертвами» среди случайных свидетелей атак, идеалы товарищества и эгоизм во время судебных процессов, здоровый скепсис и рьяный фанатизм, вера в прогресс и пафос смерти и разрушения, фатализм, самоубийственное чувство «обреченности», маниакальная гордыня, романтизм, наивность и технический рационализм, жажда справедливости и правовой нигилизм, личное бескорыстие и сотрудничество с уголовным миром, упоение кипучей деятельностью и неготовность к труду, атеизм и апелляции к христианским ценностям, народоверие и презрение к народным массам в ходе «пропаганды действием» (*propagande par le fait*), правдолюбие и коварство.

Работая над замыслом «Рассказа моего пациента», доктор Чехов мог составить свое представление о психологии подпольщиков во время доверительных бесед с некоторыми из них. Среди таких чеховских знакомых были земляки-таганрожцы: ссыльные И. П. Ювачёв и казак А. И. Александрин на Сахалине, эмигрант И. Я. Павловский¹ в Париже. На этом фоне более понятной становится уклончивый ответ писателя на вопрос² студентов о том, есть ли что-нибудь реальное в фабуле его повести о народовольце: «Да, кое-что, кажется, есть. Только я не совсем твердо помню содержание этого давнишнего рассказа» [А. П. Чехов в воспоминаниях: 358].

Своей необычностью новое произведение Чехова спровоцировало литературно-критическую дискуссию. В целом современная автору критика интерпретировала повесть в контексте злободневных политических дискуссий между прогрессистами, либералами, ретроградами и «бурбонами» и сразу отметила ее тематическую и художественную связь с традицией русской антинигилистической литературы [Сахарова: 478–484], игнорируя другие варианты прочтения. В XX в., по мере утраты политических обертонов замысла, повесть почти исчезла из круга массового чтения, оставшись в тени других шедевров Мелиховского периода.

Между тем интертекстуальное поле «Рассказа...» богато смыслами и открывает возможности различных художественных интерпрета-

1 Записки И. Я. Павловского «В камере. Мемуары нигилиста» были опубликованы в газете *Le Temps* в ноябре 1879 г. с предисловием И. С. Тургенева.

2 В апреле 1897 г. в Мелихове.

ций. В тексте встречаются реминисценции и аллюзии на произведения Шекспира, Гёте, Бальзака, Э.-Л. Бризбара, Э. Нью, Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Достоевского, Салтыкова-Щедрина и Чернышевского [Коренькова 2023]. Произведение дает обширный материал для изучения творчества Чехова в связи с художественным наследием Тургенева [Бицилли; Семанова; Новикова; Козубовская, Артемова; Янина; Ребель; Собенников; Гульченко; Дубинина 2023; Дубинина 2024], Л. Толстого [Берковский] и др. [Головачева; Нымм; Литовченко; Парфенов; Мокина], образами «лишнего человека» и «маленького человека», традициями «петербургских повестей»¹.

Выбранный Чеховым материал для художественного осмысления поставил перед писателем целый ряд сложных новаторских задач и прежде всего в аспекте жанровой формы. По сути, речь шла о создании жанровой схемы *Agentenroman*'а², посвященного тайным авантюрам и политическим интригам на идеологической почве.

Сюжеты такого рода предполагают изображение секретных миссий, интриг, основанных на лабиринтах лжи, умолчаний, тайных намеков, саспенса, а для достоверности авантюрной линии — максимально широкое включение черт узнаваемых реальных событий. Сеттинг предполагает описание существующих локаций и правдоподобных происшествий, связанных с легко узнаваемыми политическими феноменами (например, промышленный шпионаж, война, терроризм, революции, военные заговоры).

Соответственно, главные герои неизбежно должны быть людьми с двойной идентичностью³. Их морально амбивалентные поступки:

¹ Обзор: [Филат].

² Роман с секретным агентом в качестве главного героя. Литературоведческий немецкоязычный термин *Agentenroman* в русском научном обиходе не прижился и заменен более широким — *шпионский роман*, не совсем подходящим к определению чеховского сюжета.

³ Экспрессивная техника введения в художественное произведение персонажей с двойной идентичностью для создания запутанной сюжетной линии известна в Европе со времен Плавта и Теренция и получила свое продолжение как в пьесах, основанных на приеме *quiproquo*, так и в традиции образов «знаменитого преступника» и «благородного разбойника» и беллетризованных биографиях типа «История жизни и процесса Луи Доминика Картуша» (1721), «Обстоятельной и верной истории российского мошенника славного вора, разбойника и бывшего

предательства, «устранения» неудобных лиц, обманы доверившихся персонажей изображаются как подвиг воли, ума или физической силы на фоне групп антагонистов и мотивируются необходимостью идти на неблагоприятные шаги и преступления ради великих целей (свободы, справедливости, законных прав, мира, прогресса, борьба с преступностью) и сохранения лояльности, верности своим часто внесценическим неперсонифицированным единомышленникам. Героический пафос основан на признании читателем того, что персонаж ежеминутно рискует собой, своей свободой или даже жизнью.

Жанровая матрица шпионского романа в европейской литературе кристаллизовалась десятилетием позже работы над замыслом «Рассказ моего пациента» — только в начале XX в., когда на волне публичного ажиотажа, вызванного «делом Дрейфуса» (1894–1895) и серией международных кризисов накануне Первой мировой войны, читающая публика восторженно приняла романы *England's Peril* (1899) У. Ле Кё, «Загадка песков» (1903) Р. Э. Чайлдера, «Штабс-капитан Рыбников» А. И. Куприна (1906), рассказы о контршпионаже А. Конан Дойла и другие классические образцы жанра.

Для Чехова, кроме риска провоцирования цензурных проблем при публикации и раскрытия источников сведений писателя о тайнах деятельности нелегалов, дополнительные сложности создавало в целом неодобрительное отношение русского общественного мнения тех лет к политическим провокациям, деятельности лазутчиков, согладатаев и шпионажу в целом в силу, по выражению народовольца Юрковского, «шаткости нравственного значения» такого рода деятельности. В этом отношении показательна деталь — публикации «Записок лазутчика» (1868) и переводы на русский книги «Записки шпиона. Тайны империи, обнаруженные политическим и военным шпионом»¹ французского беллетриста Т. Лабурье не оставили сколь-нибудь заметного следа в памяти читателей.

московского сыщика Ваньки Каина...» (1793), «Записок Видока, начальника Парижской тайной полиции» (1828).

¹ Théodore Labourieu. *Mémoires d'un espion: les mystères de l'Empire dévoilés par un espion politique et militaire* (1873); *Mystères de l'Empire, par un espion politique et militaire* (1874). Русский сокращенный перевод: *Записки шпиона. Тайны империи, обнаруженные политическим и военным шпионом. Исторический рассказ*. СПб.: Тип. Е. Н. Ахматовой, 1873 / 1875. 472 с. / 633 с.

Поэтому художественное рассмотрение всего противоречивого комплекса социально-исторических и психологических явлений, связанных с народовольческим террором, в ракурсе беспристрастного, «внеполитического» медико-психологического анализа позволяло писателю в резко поляризированной общественной атмосфере избежать как вероятного цензурного запрета публикации, так и однозначного неприятия повести «властителями дум» и прогрессивной аудиторией. О реальности такого рода опасений свидетельствует следующий фрагмент письма Чехова Н. М. Альбову:

Как социалист, так и сын товарища министра у меня парни тихие и политикой в рассказе не занимаются, но все-таки я боюсь, или, по крайней мере, считаю преждевременным, объявлять об этом рассказе публике [Чехов П. 4: 275].

Исходная чеховская установка на строгую документализацию повествования и хронотопическую привязку описываемых событий к действительности проявилась в четкой соотнесенности фабулы и календаря. По разбросанным в тексте временным указаниям можно легко понять, в какие даты произошли те или иные описанные в повести эпизоды.

Так, представленный в конце гл. IX эпизод происходит в субботу, а гл. X начинается со слов: «На другой день — это было 7 января, день Иоанна Крестителя» [Чехов С. 8: 176–177]. Соответственно, упоминание визита Георгия Ивановича к отцу в день его именин в воскресенье (7 января ст. ст. — день Иоанна Крестителя) устанавливает точку отсчета. Диалог террориста с заместителем министра внутренних дел¹: «Ты давно служишь у моего сына? — спросил он <...> Третий месяц, ваше высокопревосходительство» [Чехов 8: 182–183] — датирует внедрение народовольца в семью Орлова-младшего ноябрем 1889 г.

¹ В 1890 г. этот пост занимал действительный тайный советник И. Н. Дурново, начинавший свою карьеру со службы на флоте. В тот год Дурново ходатайствовал перед Александром III об облегчении участи Тихомирова, жившего под гласным надзором полиции в Новороссийске. Чехов минимизировал внешнее сходство персонажа и его возможного прототипа. Род Дурново, ветвь рода Толстых, была в очень отдаленном родстве с графским родом Орловых. Но И. Н. Дурново происходил из другого дворянского рода — костромских Дурново.

Все кульминационные события происходят в несколько дней января 1890 г. от Святочной недели до недели о мытаре и фарисее. Прибытие в Венецию могло произойти около Жирного вторника (4 марта / 20 февраля ст. ст.), последнего дня карнавала — финала маскарада и всех событий *quattro*. Этот художественный штрих задает смысловой фон поступкам персонажей и во многом объясняет их кажущуюся парадоксальность.

Модные музыкальные мелодии: *Funiculì funiculà* Луиджи Денца (1880), «Лебедь» К. Сен-Санса (1886), опера «Евгений Онегин» П. И. Чайковского — используются и как дополнительные хромотопические маркеры, и как средства создания характеристик персонажей. В «Черном монахе», «Рассказе неизвестного человека» и других произведениях слова и фразы из текстов песен и арий, известные читателям, исподволь оказывают влияние на сознание героев Чехова [Коренькова 2024: 68–72].

Безусловно понятен и художественный топос произведения. Важнейшие события происходят в Петербурге, Венеции и Ницце. Каждая из локаций в культурном сознании читателя также вызывает гамму ассоциаций и художественных аллюзий, отраженных в петербургском, венецианском и ниццианском (*Niçoise*, казино Монте-Карло и Лазурный берег) мифах русской культуры.

С медицинской точки зрения положительные метаморфозы со здоровьем главного героя в Венеции тоже не случайны. Умеренный морской венецианский климат в сочетании с солнечными ваннами (гелиотерапией) считался в конце XIX в. благоприятным для лечения некоторых видов туберкулеза (чахотки) и упоминался в ежегодниках «Календаря для врачей всех ведомств» (1875–1917).

Чехов как художник-реалист увидел в поведении своего героя общие черты психологии молодежи той эпохи. Если биография И. П. Ювачева подсказала общую канву биографии персонажа повести по схеме «романтически настроенный морской офицер — увлечение политикой — крах террористической миссии — духовное перерождение¹ человека и трагическая гибель возлюбленной — трогательное чадолубие», то

¹ Иван Ювачев взял литературный псевдоним «Миролюбов»; ср. ономастическая игра: Владимир Иванович — так представляется герой повести, бывший ранее Степаном.

кульминационный момент сюжета мог быть подсказан парадоксальным поведением другого народовольца.

Провал террориста из-за неспособности выполнить партийное задание: убить человека при случайной личной встрече — отсылает к легендарной встрече в комнате Зимнего дворца — один на один Александра II и народовольца С. Н. Халтурина, устроившегося там работать столяром по поддельным документам. Убить царя при личной встрече террорист не смог. Несколько недель спустя он произвел взрыв в Зимнем дворце. Резонансный теракт не задел императора, но привел к гибели одиннадцати человек (все погибшие были дежурными солдатами охраны, ветеранами русско-турецкой войны) и ранению 54-х человек. После теракта в Санкт-Петербурге Халтурин активно участвовал в подготовке и проведении успешного покушения на прокурора Киевского военно-окружного суда.

Кроме того, само решение «неизвестного» взять на себя роль возможного убийцы мотивировано в повести его размышлениями в Венеции, где он пытается оправдать свой отказ от миссии, характеризуя себя так: «лишний человек, неудачник, неспособный уже ни на что, как только кашлять и мечтать, да, пожалуй, еще жертвовать собой... но кому и на что нужны теперь мои жертвы?» [Чехов С. 8: 199]. В истории народовольцев был случай, когда неизлечимо больной чахоткой П. Я. Шевырёв, создатель «Террористической фракции», решил пожертвовать собой во время покушения на Александра III в марте 1887 г., но за несколько дней до нападения на царя вдруг передал все управление терактом молодому энтузиасту А. И. Ульянову и срочно «по совету врачей уехал на лечение» в Ялту, где полиция не сразу смогла его найти.

Доктор Чехов мотивирует психологические особенности поведения своего героя, основываясь на популярных в медицине тех лет подходах.

О распространении случаев умопомешательств на почве политики в последние десятилетия XIX в. свидетельствует следующий пример. В известном Чехову со студенческих лет «Учебнике психиатрии» (Stuttgart, 1879–1880) Краффт-Эбинга, кроме классических случаев, связанных с демономанией (*Melancholia daemonomaniaca*), упоминается несколько случаев, в которых в сознании больных возникают представления о совершенных ими преступлениях на почве политики,

судебных решений или шпионажа¹. Позже, в новом русском переводе книги того же немецкого психиатра-криминалиста («Судебная психопатология», 1895) рассматриваются медицинские случаи намерений больных совершить покушение на королевскую особу и президента республики [Краффт-Эбинг 1895: 80, 131].

Неслучайна и организация повествования от первого лица в «Рассказе неизвестного человека». В самом начале чеховской повести личное местоимение первого лица во фразе, где объясняются причины поступления дворянина на службу лакеем к Орлову: «которого считал я серьезным врагом своего дела» [Чехов С. 8: 139], — косвенно намекает на проблемы героя с навязчивой сверхценной «своей» идеей. По мнению психиатров 1880–1890-х гг., успешному лечению невротиков, мономаньяков способствует изоляция от прежнего круга общения (например, семьи), в котором пребывание или полученная травма способствовали возникновению тяжелого невроза. С этой точки зрения характерно, что отказ героя повести (террориста) от убийства старика-чиновника тоже мотивируется личным местоимением первого лица: «я стал другим» [Чехов С. 8: 183] — и точным указанием на тот факт, что освобождение от *idée fixe*, или *Zwangsstörung*, произошло за время почти трехмесячного² постоянного пребывания в доме Орлова вне контактов с адептами «своего / общего дела».

По тексту «Рассказа неизвестного человека» разбросаны необходимые врачу основные факты клинической картины. Анамнез болезни включает описания типичных симптомов чахотки, вероятно, с сопутствующими нарушениями сексуальной функции, а также переутомления и головокружения. Предложен перечень травмирующих факторов: в прошлом — болезненно воспринятый крах мечты, перспективной карьеры морского офицера из-за списания на берег по состоянию здоровья; на службе у Орлова — рванный график сна и бодрствования, регулярная бессонница, психологическая раздвоенность. Для чувствительной творческой, музыкальной натуры и наблюдательного эмпатика, помимо добровольно принятого унижительного положения, попытка абстрактного «служения идее» в ущерб чувству также была

¹ [Краффт-Эбинг 1882: 727–3, 134, 189, 198]. Второе, расширенное русское издание вышло в 1890 г.

² «Третий месяц, ваше высокопревосходительство» [Чехов С. 8: 183].

дополнительным травмирующим элементом.

Показательно, что устранение всех этих травмирующих факторов пошло Владимиру Ивановичу на пользу. В Ницце о «своей» (теперь ставшей чужой) прежней моноидее он не вспоминает и говорит: «Мир идей широк и неисчерпаем» [Чехов С. 8: 206]. В главах, описывающих события после Венеции, ни разу не упоминаются кашель или другие симптомы чахотки. Герой размышляет: «не сегодня-завтра я превращусь в звук пустой», — но на чем основан его пессимизм теперь, без внешних проявлений болезни, не ясно.

Диагностически точно мотивировано поведение лже-Степана в кульминационных эпизодах (XI глава) — отказ от покушения на замминистра и комическое нападение на Кукушкина.

В первой сцене отказу террориста от убийства непосредственно предшествует, казалось бы, малозначащая деталь: «Ты давно служишь у моего сына? — спросил он, выводя на бумаге крупные буквы» [Чехов С. 8: 182]. Крупные буквы — свидетельство плохого зрения Орлова-старшего, связанного с возрастными изменениями. Эта деталь для Чехова была значима в связи с особенностями собственного зрения. Так он писал о себе:

Один глаз у меня дальнозоркий, другой близорукий. Правый в прошлом году едва не погиб; была невралгия <...>. Получил приказ лечить-ся электричеством, мышьяком и морем [Чехов. П. 6: 161].

Эмпатия лже-лакея в этот момент не только позволяет ему заметить особенность зрения своей жертвы, признак возрастного дряхления, но и латентно намекает на коллизию: на пороге смерти молодой террорист должен убить дряхлеющего на глазах старика, также стоящего на пороге смерти. Даже тень подобной мысли обесценивает в глазах лже-Степана героический пафос самоотверженного поступка революционера, знакомого с офицерской флотской честью.

Напротив, нападение на Кукушкина в последующем эпизоде и горячее письмо — типичный истерический припадок невротика, когда «накопленная» неудовлетворенность разворачивает пружину кризисного состояния и выплескивает эмоции в виде агрессии, театральщины, экстравагантных поступков на публику и иногда вводит больного в интуитивное творческое состояние (последнее объяс-

няет горячечный экстаз при написании разоблачительного письма Орлову). Неслучайно и то, что в орудии нападения, свертке бумаг, забытых Грузиным, символически сконцентрированы все важные для «неизвестного» психологические раздражители: непонятные деловые бумаги «господ петербургских чиновников», изматывающие еженедельные ночные визиты постоянных гостей, навязчивые попытки ухаживаний Грузина и Кукушкина за Зинаидой Федоровной в момент кризиса ее отношений с любовником и проявление затаенной ревности.

Более того, несовершенное убийство, пусть и комически, но при нанесении им ударов по лицу Кукушкина «реализуется» в надломленном сознании героя по старинному медицинскому принципу *similia similibus* [Россолимо]¹, лечить подобное подобным, и «замещает» таким образом стыд за проваленную миссию.

Кульминационные эпизоды в повести — момент платоновского анагноризиса (ἀναγνώρισις) в чеховской повести, когда вдруг кажется, что исчезает ситуация *quiproquo*, герои освобождаются от заблуждений, понимают, что происходит вокруг, какова на самом деле их роль в событиях и кто они сами, без прикрас и иллюзий. Архитектоника «Рассказа неизвестного человека», написанного в форме аутоанамнеза и задуманного как художественный портрет поколения (среди предлагавшихся издателю в феврале 1893 г. вариантов названия было «В восьмидесятые годы» [Чехов П. 5: 168]), неслучайна. Поэтому появление именно в этом эпизоде письма Орлову, своего рода «аутоанамнеза поколения», представляется исключительно удачным художественным решением Чехова. Характерно, что в последней беседе оппонент «неизвестного», бывший хозяин лже-лакея (Георгий Иванович²), полностью с ним соглашается: «И основная мысль, пожалуй, близка к правде, хотя можно было бы спорить без конца» [Чехов С. 8: 212], — и в конце их последней беседы переходит к завуалированному использованию личного местоимения «мы», подчеркивая общее в их образе мысли: «Только полчаса посидели, а сколько вопросов решили, подумаешь!» [Чехов С. 8: 213].

¹ «Клин клином вышибают» (Описание психического механизма вытеснения см.: [Россолимо: 13–14]).

² Очевиден и прием — совпадение отчеств двух представителей поколения «безотцовщины»: Георгий Иванович — Владимир Иванович.

Форма аутоанамнеза как медицинского документа¹, использованная в «Рассказе моего пациента», давала возможность автору ввести внесценических персонажей: кроме товарищей по «общему делу» (*лат. res publica*, буквально — общее дело республика), в повести Чехова незримо присутствует своего рода *alter-ego* писателя — врач, кому пациент адресует свои откровения.

Такого рода повествовательная форма от первого лица создавала характерный для исповеди художественный эффект повышенной достоверности, документальности, давала возможность описания сокровенных тайн, по-медицински беспристрастного анализа противоречий личности, осознаваемой как «сын своего времени». История болезни не осуждает больного или его недуг, а изучает причины явного нездоровья, чтобы облегчить страдания человека. При этом априори принимается, что эпидемия в равной степени поражает и слуг и хозяев, и арестантов и тюремщиков, но у каждого из них различные индивидуальные проявления и течение заболевания. Более того, в аутоанамнезе постулируется, что больной не всегда понимает причины болезни, описывая ее симптомы врачу, что открывает для писателя дополнительные исследовательские и экспрессивные возможности.

Подобный подход к изображению психологии террора в целом соответствовал чеховским взглядам на причины странностей в поведении молодежи, фанатично увлеченной, по словам Тихомирова, социальными миражами, нездоровыми мечтами, стремлениями к политической химере нового мироустройства, основанного «не на действительных законах и основах социальной жизни, а на фикциях, выведенных логически из духовной природы человека» [Тихомиров: 1, 6, 20]. Но в отличие от политического публициста, доктор Чехов видел в этих увлечениях не признак человеческого вырождения или заблуждения взыскующих умов, а более сложное явление социопсихологического порядка, связанное с несовершенством мира в целом и характером

¹ Возраст, пол, семейное положение, род занятий и профессия, *historia morbi*, стиль жизни, условия проживания, личная история и социальные факторы, динамика картины симптомов и «тревожные сигналы» — все эти требования медицинского документа соблюдены. Отступления единичны, но понятны при публикации: не указаны полное (настоящее?) имя больного и сведения о его семье для определения предрасположенности к заболеваниям.

переходной эпохи: «Тихомиров свое прошлое называет “логической ошибкой”, а не грехом, не преступлением. Я же доказывал, что нет там греха и преступления, где нет злой воли, где деятельность, добрая или злая — это все равно, является результатом глубокого убеждения и веры» [Чехов П. 3: 151].

В поэтике «Рассказа неизвестного человека» проявились такие традиционные для творчества Чехова техники поэтики, как «подводные течения» и смысловая насыщенность художественной детали. Даже использованный в повести прием *quiproquo*, основанный на подмене референта, предстает усложненной в зеркальном лабиринте отражений вариацией коллизии «казалось — оказалось».

В то же время *Agentenroman* с его изображением политического закулисья и конспиративного быта требовал новаторских экспрессивных решений. Так, в «Рассказе...» уже угадываются все характерные топосы этого формировавшегося литературного жанра: двойная идентичность, моральная неоднозначность¹, идейная миссия, элементы саспенса, парадоксы темы «смерть ради жизни ↔ жизнь ради смерти». Проявилась тематическая линия «любовь ↔ убийство», где описывается сложность выбора между желанием личного счастья и долгом «перед товарищами по борьбе», а романтические отношения героев изображаются как фактор, который затрудняет исполнение миссии или приводит к предательству.

Но очевидно, что чеховский замысел был более сложным, как с точки зрения психологизма и установки на изображение коллективного, исторически и социально детерминированного портрета «безотцовщины», молодого поколения переходной эпохи, так и интертекстуальных аллюзий и пародийного переосмысления традиций русской литературной классики.

Новаторская поэтика Чехова при изображении психологии политического террора отразилась в повести Л. Н. Андреева «Тьма» (1907) и рассказе Т. Л. Щепкиной-Куперник «Первый бал» (1907)². Оба молодых автора были лично знакомы с Чеховым, испытали его заметное влияние и, несомненно, прочитали чеховскую повесть.

¹ Но не моральный релятивизм.

² Тираж книги «Это было вчера...» (М., 1907) был уничтожен полицией. Сохранились единичные авторские экземпляры.

Известно, что знакомство 20-летней Щепкиной-Куперник с Чеховым пришлось на время его работы над «Рассказом...». Совет, который он дал начинающему автору: «Изучайте медицину, дружок, если хотите быть настоящей писательницей. Особенно психиатрию. Мне это много помогло и предохранило от ошибок» [Щепкина-Куперник 1928: 317], — был связан с обостренным интересом писателя-врача к новейшим на тот момент достижениям психологии. Эта повесть была названа ею в воспоминаниях в ряду других шедевров Мелиховского периода [А. П. Чехов в воспоминаниях: 214]. Что касается Леонида Андреева, то его личное знакомство с Чеховым состоялось в 1899 г., и вскоре литературная критика обратила внимание на схожесть и различие их творческих манер¹.

В произведениях о террористах оба молодых автора учли важность соблюдения принципа документальности, опоры на реальные события.

Источниками замысла Щепкиной-Куперник могли стать устные легенды о героинях «Народной воли» и Партии социалистов-революционеров, а также мотивы оперы «Бал-маскарад» Дж. Верди, снятие которой из репертуара Большого театра из-за цензурных проблем в 1902 г. пробудило у публики живой интерес к перипетиям жизни шведского короля Густава III и истории его смерти. Среди вероятных прообразов героини рассказа — легендарная 20-летняя эсерка Н. С. Климова, дочь видного юриста и одновременно участница неудачного покушения на П. А. Столыпина. Но в целом сюжет рассказа Щепкиной-Куперник: убийство эсеркой-аристократкой молодого генерала на балу — не имеет одной конкретной исторической основы. Наиболее близкой к фабуле рассказа является коллизия, описанная в статье «Да здравствует порядок!» в приложении к «Правительственному вестнику» в апреле 1907 г. Автор публикации о резонансном убийстве 21-летней конторщицей Тамбовского губернского дворянского собрания М. А. Спиридоновой («чайкой революции») бывшего адвоката, черносотенца Г. Н. Луженовского и последующей казни эсерами офицера П. Ф. Аврамова писал:

Они не были знакомы между собою; более того, — не знали о существовании друг друга. Но если бы Спиридоновой когда-нибудь вздумалось отправиться на танцевальный вечер в борисоглебское военное

¹ Напр.: [Шулятиков: 633].

собрание, легко могла бы случиться встреча ее там с Аврамовым под меланхолические звуки какого-нибудь модного в провинции вальса; они, может быть, сделали бы вместе несколько туров в танцевальном зале и расстались затем, унося самое безобидное, а может быть, даже и приятное воспоминание друг о друге» [Лавров: 127]¹.

Импульсом для возникновения замысла повести Андреева стал рассказ о реальном событии в жизни эсера-террориста П. М. Рутенберга, организатора убийства Гапона [Горький: 65–68]. При этом и по-журналистски скандальная ситуация «революционер в публичном доме», и неоднозначный финал «Тьмы», и не этичное превращение в скандальную повесть личной исповеди в узком кругу единомышленников известного революционера привели к разрыву отношений Андреева с М. Горьким. Чрезвычайно эмоциональной была и реакция литературных критиков противоположных политических убеждений. В. В. Воровский обвинил писателя в «мародерстве». М. А. Волошин писал о трагедии «темной и мятежной души, надрывающейся своим косноязычием» [Волошин: 448]. К. Чуковский считал, что «повесть “Тьма” утонченно вскрывает мещанство на самых вершинах человеческого благородства» [Чуковский: 166]. А. А. Блок был восхищен повестью: «“Тьма” является самым гениальным из ваших произведений» [Сергеев-Ценский: 213].

Несомненны общие черты всех трех произведений. Они основаны на впечатлениях от личного знакомства авторов с революционерами и представляют собой попытки осмыслить характерные для порубежной эпохи массовые ожидания грядущих социальных перемен. Главные герои — террористы (народоволец у Чехова, эсеры у Андреева и Щепкиной-Куперник), которые поставлены перед сложной моральной дилеммой и вынуждены сделать экзистенциальный выбор, выявляющий их человеческую сущность. Художественно обыгрываются контрасты двойной идентичности героев, *quiroquo*. Присутствуют элементы саспенса (в связи с угрозой разоблачения).

Школа чеховского психологизма оставила заметный след в «Первом бале». Творчество Щепкиной-Куперник «с произведениями Чехова

¹ Образный ряд отрывка рассказа, начинающийся со слов «видения до ужаса яркие...», явно корреспондируется со свидетельствами адвоката М. А. Спиридоновой [Швецов: 40–51].

связывает своеобразная диалектика ученического подражания и скрытой полемичности» [Кубасов: 14]. В данном случае «подсказанные» Чеховым интермедийные отсылки к популярным, легко узнаваемым модным мелодиям давали возможность читателям буквально «услышать» изображаемые события.

Более того, Щепкина-Куперник использует чеховский прием, когда фразы из текстов песен и арий, известных читателям, исподволь влияют на сознание героев [Мананникова: 41; Коренькова 2024: 68–72]. Так, в «Первом бале» нравственные метания героини перед роковым выстрелом сопровождаются мелодией «Голубого вальса» (*Pourquoi ne ras m'aimer. Valse bleue*). Это произведение, созданное композитором А. Маржи (Alfred Margis) в конце 1890-х гг., сразу стало мировым шлягером. В отечественных нотных изданиях [Маржи 1898] песенный текст приводился параллельно на двух языках: французский оригинал поэта Э. Эро (Eugène Héros), по-парижски фривольный, и русский перевод, менее эротичный, соответствующий требованиям отечественной цензуры.

Ольга, героиня Щепкиной-Куперник, во время танца начала сомневаться, надо ли ей исполнять то, что ей предписано товарищами. Музыка ей дьявольски сладострастно внушала: «Все отдам тебе, если, падши, поклонись мне!..» Да, все это может быть ее!.. Стоит ей отказаться от того, на что она обрекла себя, стоит захотеть...» (ср.: в «Голубом вальсе»: «Ведь это было бы мое счастье, все то счастье, о котором я мечтал...»). Слова рассказа: «Но музыка вдруг оборвалась. Очарование исчезло», — по времени звучания совпадает с финальной строчкой песни: «*Pourquoi ne ras m'aimer? Tu veux donc que je meure*» («Почему бы тебе не полюбить меня? Так ты хочешь, чтобы я умер»). Именно это подсказало героине, что ей слéдует делать — застрелить молодого князя Гордынского.

В произведениях молодых авторов, как и у Чехова, велика роль внесценических персонажей. В «Первом бале», кроме неведомых «косматых и лохматых», упоминается «Яков Васильев», за которым охотится полиция (вероятно, Щепкина-Куперник ономастической игрой намекала «понимающим» на эсера Я. Б. Финкельштейна, который при аресте назвался Виктором Васильевым). Именно воспоминание о нем укрепляет решимость Ольги убить князя-черносотенца.

У Андреева внесценический персонаж, которого Люба называет «писательчик мой», оказывается третьей вершиной любовного треугольника.

Коллизии в аспекте этоса во всех трех анализируемых произведениях основаны на общественном интересе к нравственным парадоксам политического террора. Но именно здесь пути и способы осмысления исторических событий расходятся, что заметно не только в этосе, но и в особенностях поэтики.

Философским контекстом творческого процесса Щепкиной-Куперник и Андреева были обсуждения темы терроризма и связанных с ним социально-исторических и этических антиномий в публицистике Серебряного века: «Вопль крови» (1906) П. А. Флоренского, «Террор и бессмертие» (1906) В. П. Свенцицкого, сборник «Царь и Революция» (1907) Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус и Д. В. Filosofova, первый рассказ А. Грина «Марат» (1907). Интерес читателей-современников вызывали мемуары и беллетристика террористов-практиков: Б. В. Савинкова («В сумерках», 1903), А. А. Дикгофа-Деренталя («В темную ночь», 1907).

Медицински точный хронотоп поэтики Чехова был не интересен его творческим наследникам. Так, у Щепкиной-Куперник он воспроизведен общо. Бал происходит зимой (традиционно — в январе или феврале, до Масленицы) в самом начале XX в.¹ в некоем губернском городе.

У Андреева хронотоп дан пунктирно: события происходят в октябре в течение вторника, среды и четверга в каком-то крупном городе европейской части России в годы революционного террора. Характерна и путаница с возрастом героя. Если упоминание возраста героя (26 лет) дает основание считать годами его рождения 1877–1881 гг., то его слова: «С четырнадцати лет я треплюсь по тюрьмам», — следует отнести к неточности Андреева или бахвальству Алексея. Дело в том, что в 1891–1893 гг. несовершеннолетних отправляли в тюрьму только за умышленное тяжкое уголовное преступление (на практике же тюремное заключение для них заменялось приютами). Биографии самых молодых эсеров-максималистов 1880–1882 гг. рождения свидетельствуют о том, что до прихода в революцию все они, как правило, были гимназистами или студентами-первокурсниками².

¹ Об этом свидетельствует упоминание роли популярной в тогда актрисы С. Мирис (Suzanne Miéris) в роли Евномии по мотивам романа Г. Сенкевича *Quo vadis?* (первая театральная постановка в Париже и первая экранизация Ф. Зекка в 1901 г.).

² Андреев оставил воспоминания об одном из них — 23-летнем Владимире Мазурине, с которым познакомился в тюрьме в феврале 1905 г.

Таким образом, хронотопическая привязка фабулы «Тьмы» весьма условна. Для Андреева была важнее не фактографическая точность судебного репортера, а приемы усиления эмоционального воздействия на читателей (контрасты, образы-символы), парадоксальность коллизии, которая оставляет в сознании людей гнетущее ощущение трагической неразрешимости ситуаций и давящего хаоса, погруженности человека в лабиринты иллюзий. Интерес писателя к эпизоду из жизни Рутенберга был вызван не только случившейся в действительности ситуацией «террорист в публичном доме», но фактом нанесения проституткой пощечины¹. Эсер, получив пощечину от пожалевшей его жрицы любви за назидательные речи, оказался в парадоксальной символической ситуации: при декларируемом народолюбии «борец за свободу народа» в глазах проститутки взял на себя роль бесчувственного надсмотрщика в ее «жизненной тюрьме». Отсюда, вероятно, и шокировавший Горького жест агента революционеров — демонстративный извиняющийся смиренный поцелуй террористом (по сути, убийцей) руки падшей женщины, который при всей театральщине ассоциативно отсылает к евангельской фразе: «...истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие» (Мф. 21: 31).

Писателя, скорее всего, увлек витиеватый казусный хиазм и парадоксальный бесконечный зеркальный лабиринт в стиле «унижение унижает унижающего перед унижаемой», «освобождающий освобождается освобождаемым». Жизненный эпизод, рассказанный Рутенбергом, у Андреева преобразился в своего рода «событийную ленту Мёбиуса».

Суть трансформации персонажа при этом такова: «носитель света нисходит во тьму, чтобы укрыться от тьмы, но растворяется в ней» (так восприняла сюжет левая критика) или «гордец-свободолюбец-гибрист спускается на миг во тьму и обнаруживает, что тьма не вне, а внутри его, что именно его гордыня, ложь ради лжи и безлюбие являются истинной несвободой, что они источник его иллюзий и безбудущности» (именно так восприняла сюжет философская критика). Террорист вдруг увидел пустоту в своей звонкой фразе: «...я пойду на смерть для

¹ В субкультуре политзаключенных в России пощечина тюремщикам воспринималась как эффективное средство сопротивления; «для пострадавшего от пощечины должностного лица в XIX в. такое оскорбление могло означать символическую “публичную казнь”» [Квасов: 44–45].

людей». На самом деле его жизнь — это не борьба за людей, а борьба ради самой борьбы, смерть ради смерти, одно из звеньев в бесконечной череде смертей, космически трагическая безысходная борьба с собственной пустотой и бесплодностью. Это изменение его Я отражается в добровольном отказе от лжи и смене имен: представляется он Петром, а позже признается, что зовут его Алексей (здесь христианские аллюзии: «Ты — Петр, и на этом камне Я создам Церковь Мою» (Мф. 16: 18) и образ Алексея Человека Божия).

Наконец, если для чеховского психологизма принципиально важно понять логику поступков, пусть даже совершаемых в состоянии аффекта, то в рамках мистического реализма¹ нелогичность поведения главного героя принимается как данность на основе универсального закона аттической трагедии: гибрис (дерзость, гордыня²) → Атэ (Ἄτη — безумие, умопомрачение, преступление, несчастье, посылаемое богами на нечестивца) → немесис (νέμεσις — порицание, праведный гнев) → тисис (τίσις — воздаяние, возмездие, кара за гордыню и несправедливости, гибель гордеца).

Аналогично образ героини и пафос рассказа Щепкиной-Куперник отсылает к популярному на рубеже веков типу парадоксальных героев-имморалистов, новой, созвучной времени, версии архетипа гибриста³ — пророка новой эры, праведного нечестивца, в котором воплощены сладостно гибельная романтика отверженности, хаоса, страсти обновления жизни через тотальное разрушение старого мира.

Таким образом, многолетняя работа Чехова над замыслом «либеральной повести», в центре которой находится испытание человеческой сущности террориста в момент перед совершением убийства по политическим мотивам (не личным мотивам, не в состоянии аффекта, а преднамеренно, по долгу перед товарищами-подпольщиками), была озаменована серией открытий новых художественных форм и прие-

¹ Термин «мистический реализм» вошел в научный обиход в июне 1907 г. после публикации статьи Н. А. Бердяева «Декадентство и мистический реализм» (Русская мысль, кн. VI, С. 114–123).

² Отсюда и явный намек Щепкиной-Куперник: говорящая фамилия караемого карателя князя — Гордынский.

³ Гибрист (греч. — дерзость, бесчинство, «из ряда вон выходящее поведение») — герой, нарушитель миропорядка, ставящий себя выше любых законов, смесь высокоумия, высокомерия и цинизма (Прометей, Одиссей, Сократ, а также Артур Бёртон в романе Э.Л. Войнич «Овод»).

мов в дополнение к уже имеющимся¹: документализации, детализации, изображения внесценических персонажей, принципов выстраивания ассоциативных подтекстов, в том числе библейских аллюзий, музыкалописи и др.

Опыт и новые экспрессивные техники Чехова оказались интересными для молодых авторов Серебряного века. Идеи и образы «Рассказа неизвестного человека» явно присутствуют в преобразованном виде в творческой истории «Первого бала» и «Тьмы».

Чехов и молодые авторы Серебряного века продемонстрировали различное понимание сути реализма: чеховскому «диагностическому реализму» по принципу *a realibus ad realiora* был противопоставлен «мистический реализм» Андреева и своего рода «романтический реализм» Щепкиной-Куперник. Эти расхождения были обусловлены не столько личными отношениями, своего рода отталкиванием молодых авторов от чеховского наследия, сколько радикальным изменением читательских предпочтений после революции 1905 г. в целом, началом принципиально новой литературной эпохи.

Литературный процесс XX в. подтвердил верность прогноза:

Чехов иногда высказывал в разговоре такую мысль, что его скоро забудут. — Меня будут читать лет семь, семь с половиной, — говорил он, — а потом забудут. Но как-то он прибавил: — Но потом пройдет еще некоторое время — и меня опять начнут читать, и тогда уже будут читать долго... <...> Промчавшаяся буря первых годов революции на время заслонила от нас его задумчивый образ. Но прошли эти годы — Россия опять нашла Чехова, и наша смелая эпоха решилась откинуть от него кличку «нытика» и «пессимиста», шаблонные представления шаблонных критиков — и нашла в его грустных, как русская действительность его времени, рассказах те ростки живой веры в народ, в его будущее, те ноты уверенности в победе нового человека, которые так ясно зазвучали теперь для его исследователей [А. П. Чехов в воспоминаниях: 258].

¹ О некоторых распространенных в рассказах приемах Чехова см. [Капустин].

Список литературы
Источники

А. П. Чехов в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста и коммент. Н. И. Гитович; вступ. ст. А. М. Туркова. М.: Худож. лит., 1986. 734 с.

Андреев Л. Н. Тьма. Рассказ // Шиповник. Литературно-художественный альманах изд-ва «Шиповник». СПб.: Шиповник, 1908. Кн. III. С. 7–67.

Аптекман О. В. Дмитрий Рогачев: в его «Исповеди к друзьям» и письмах к родным (по материалам архива бывшего III Отделения) // Былое. 1924. № 26. С. 71–101.

Архангельский П. А. Отчет по осмотру русских психиатрических заведений, произведенному по поручению Московского губернского земского санитарного совета врачом Воскресенской земской лечебницы П. А. Архангельским: С прил. планов 13 психиатр. заведений. М.: Тип. В. В. Исленьева, 1887. 327 с.

Ашенбреннер М. Ю. Военная организация Народной воли и другие воспоминания (1860–1904 гг.). М.: О-во бывш. политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1924. 200 с.

Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб.: К. Л. Риккер, 1908. 175 с.

Бехтерев В. М. О лечении навязчивых идей гипнотическими внушениями. СПб.: Тип. Я. Трея, 1892. 6 с.

Волошин М. А. Лики творчества. Л.: Наука (Ленингр. отд-ние), 1988. 848 с.

Горький М. [Воспоминания о Л. Андрееве] // Книга о Леониде Андрееве: Воспоминания М. Горького, К. Чуковского, А. Блока и др. СПб.; Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. С. 5–71.

Корнильев Я. Пять предателей (Из тюремных встреч) // Каторга и ссылка. 1927. № 8. С. 105–125.

Краффт-Эбинг Р. Судебная психопатология: С приложением «Материалов для русской судебно-психиатрической казуистики» / пер. с примеч. и доп. по рус. законодательству А. Черемшанский. СПб.: К. Л. Риккер, 1895. 672 с.

Краффт-Эбинг Р. Учебник психиатрии, составленный на основании клинических наблюдений для практических врачей и студентов / пер. с нем. А. Черемшанского. СПб.: К. Л. Риккер, 1882. Т. III: Клиническая казуистика. 228 с.

Ломброзо Ч. Анархисты: Криминально-психологический и социологический очерк / пер. с итал. доп. изд. Н. С. Житковой. Лейпциг; СПб.: «Мысль» А. Миллер, 1907. 138 с.

Маржи А. (Голубой вальс): Pour piano. СПб.: Музыкальный магазин «Северная лира», 1898. 7 с.

Морозов Н. А. Повести моей жизни: Мемуары: в 2 т. М.: Наука, 1965. Т. 2. 702 с.

Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова, П. Андрюшкина, В. Генералова, В. Осипанова и др. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. 391 с.

Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880–1881 гг.) // Красный архив. Т. 1(8). М.; Л.: ГосИздат, 1925. С. 101–131.

Розенбах П. Я. Истерия // Энциклопедический словарь. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907. СПб.: Типо-литограф. И. П. Ефрона, 1894. Т. 13. С. 464–468.

Россолимо Г. И. О значении гипнотизма в терапии. М.: Тип. И. П. Малышева, 1891. 16 с.

Рыбалкин Я. В. Случай истерии с самородным гипнозом. СПб.: Тип. Месника и Римана, 1885. 12 с.

Сергеев-Ценский С. Н. Воспоминания (окончание) / публ. С. Воронина // Москва. 2014. № 7. С. 207–230.

Сигеле С. Преступная толпа (La foule criminelle): Опыт коллективной психологии / пер. с фр. дополн. автором издание. Новгород: Н. С. Тютчев, 1893. 153 с.

Степняк-Кравчинский С. М. Подпольная Россия. 5-я тыс. Лондон, Фонд рус. вольт. прессы, 1893. 191 с.

Тихомиров Л. А. Демократия либеральная и социальная. М.: Унив. тип., 1896. 188 с.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974–1983.

Чуковский К. И. Собр. соч.: в 15 т. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. Т. 6: Литературная критика (1901–1907): От Чехова до наших дней; Леонид Андреев большой и маленький; Несобранные статьи (1901–1907). 624 с.

Швецов С. П. Короленко в Вышнем Волочке // Каторга и ссылка: историко-революционный вестник. 1927. № 8. Кн. 37. С. 159–166.

Шулятиков В. М. Восстановление разрушенной эстетики. (К критике идеалистических веяний в новейшей русской литературе) // Очерки реалистического мировоззрения. СПб.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, Тип. Монтвида, 1904. С. 585–664.

Щепкина-Куперник Т. Л. Это было вчера... М.: Тип. «Печать и гравюра», 1907. 299 с.

Щепкина-Куперник Т. Дни моей жизни. М.: Изд-во «Федерация», Круг (Артель писателей), 1928. 327 с.

Исследования

Берковский Н. Я. Чехов: от рассказов и повестей к драматургии // Берковский Н. Я. Литература и театр: Статьи разных лет. М.: Искусство, 1969. С. 48–182.

Бицилли П. М. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа [опубл. 1942] // Бицилли П. М. Трагедия русской культуры: исследования, статьи, рецензии / под ред. Л. М. Суриса. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 179–336.

Головачева А. Г. «...Непременно в палаццо...»: Пушкин — Достоевский — Чехов // Пушкин и Достоевский. Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 1998. С. 169–172.

Гульченко В. В. Поздние смыслы, или Чехов и Тургенев // А. П. Чехов и И. С. Тургенев. К 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева. М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2020. С. 212–223.

Дубинина Т. Г. Тип «лишнего человека» в прозе И. С. Тургенева и А. П. Чехова // Спасский вестник. 2024. № 30. С. 158–164.

Дубинина Т. Г. Тургеневский контекст в повести А. П. Чехова «Рассказ неизвестного человека» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 129–137. <https://doi.org/10.17223/18137083/82/9>

Зубков К. Ю. «Антинигилистический роман» как полемический конструкт радикальной критики // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 4. С. 122–140.

Капустин Н. В. «Убийство» как чеховский рассказ // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 2. С. 150–165. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-2-150-165>

Квасов О. Н. Тюремный террор революционеров в Российской империи // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2021. № 72. С. 44–49. <https://doi.org/10.17223/19988613/72/6>

Козубовская Г. П., Артемова О. В. «Рассказ неизвестного человека» А. П. Чехова: мотив еды/пищи // Высшая школа: научные исследования: материалы Межвузовского международного конгресса. М.: Инфинити, 2022. С. 26–34.

Коренькова Т. В. Отражение идей Ж.-М. Шарко в журналистике А. С. Суворина и прозе А. П. Чехова // Чеховские чтения в Ялте. Симферополь: Орианда, 2025. Вып. 29. С. 61–75.

Коренькова Т. В. «...появились какие-то новые трихины, существа микроскопические»: эхо антинигилистических романов Достоевского и Тургенева в повести Чехова «Рассказ неизвестного человека» // Чеховские чтения в Ялте. Ялта: Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник, 2023. Вып. 27. С. 167–185.

Коренькова Т. В. «Что делать?» — фраза-лейтмотив в «Рассказе неизвестного человека» Чехова в интертекстуальном контексте // Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2022. С. 162–171.

Коренькова Т. В. «Jam-mo! Jam-mo!..»: о психомузыкальных приёмах в «Рассказе неизвестного человека» А. П. Чехова // Чеховские чтения в Ялте. Ялта: Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник, 2024. Вып. 28: Вокруг Чехова. 160 лет со дня рождения М. П. Чеховой. С. 64–77.

Кубасов А. В. Художественная полемика с А. П. Чеховым в рассказе Т. Л. Щепкиной-Куперник «Одиночество» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25, № 1. С. 10–18. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2021-1-10-18>

Куликов Б. П. Русские писатели и народовольческое движение // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 1995. № 2. С. 121–136.

Литовченко М. В. Повесть А. П. Чехова «Рассказ неизвестного человека»: диалог с «онегинским» сюжетом // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3 (118). С. 132–136.

Лурье Л. Я. Перепись народников: от Нечаева до Дегаева. СПб.: Нестор-История, 2022. 303 с.

Мананникова А. Ю. Музыкальный экфрасис в малой прозе 80–90-х гг. XIX века (на материале произведений Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова) // Литература в школе. 2024. № 4. С. 33–43. <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2024-4-33-43>

Мокина Н. В. Мотив «веселья» и функции смеха в произведениях Островского и Чехова // А. П. Чехов и А. Н. Островский: По материалам V международных Скафтымовских чтений. М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2020. С. 297–317.

Новикова Е. Г. Тургеневские мотивы в «Рассказе неизвестного человека» А. П. Чехова (к проблеме героя) // Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989. С. 219–235.

Нымм Е. Ю. Восприятие литературных текстов героями «Рассказа неизвестного человека» А. П. Чехова // Юрьевские чтения: материалы междисциплинарной конференции молодых филологов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. Вып. 1. С. 103–111.

Овченко Ю. В. Провокация на службе охраны // Новый исторический вестник. 2003. № 1(9). С. 28–45.

Парфенов А. И. Мотив мечты в «Рассказе неизвестного человека» А. П. Чехова: диалог с романтической традицией // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 529. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12344> (дата обращения: 19.10.2025).

Рибель Г. М. Чеховские вариации на тему «тургеневской девушки» // Русская литература. 2012. № 2. С. 144–170.

Сахарова Е. М. Рассказ неизвестного человека [комментарий] // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М.: Наука, 1977. Т. 8. С. 466–486.

Семанова М. Л. «Рассказ неизвестного человека» А. П. Чехова (К вопросу о тургеневских традициях в творчестве Чехова) // Ученые записки Ленинградского пед. ин-та. 1958. Т. 170. С. 125–134.

Собенников А. С. Миф о любви в русской литературе и его рецепция А. П. Чеховым // Сибирский филологический журнал. 2019. № 1. С. 82–91. <https://doi.org/10.17223/18137083/66/7>

Филат Т. В. «Рассказ неизвестного человека» А. П. Чехова и Петербургский текст русской литературы: проблема интертекстуальности // Вісник Університету ім. Альфреда Нобеля. Серія: Філологічні науки. 2013. № 2 (6). С. 186–194.

Цейтлин А. Г. Сюжетика антиингилистического романа // Литература и марксизм. М.; Л.: Сектор науки Наркомпроса, Гос. изд-во худож. лит., 1929. Вып. 2. С. 33–74.

Янина М. М. Человек в художественном мире Чехова и Тургенева (Гамлеты и Дон Кихоты. Структура образа) // Литературный календарь: книги дня. 2010. Т. 4. № 1. С. 37–53.

Clark M., Crawford C., eds. Cambridge History of Medicine // Legal Medicine in History. Cambridge Studies in the History of Medicine. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 65–366.

Ferragu G. Histoire du terrorisme. Paris: Perrin, 2024. 576 p.

Hahn J. Anarchisten, Attentäter Und Revolutionäre: Zur Psychopathologisierung “politischer Verbrecher” Zwischen 1880 Und 1920 // Medizinhistorisches Journal. 2016. Vol. 51, no. 1. P. 40–71.

References

Berkovskii, N. Ia. "Chekhov: ot rasskazov i povestei k dramaturgii" ["Chekhov: From Short Stories and Novellas to Drama"]. Berkovskii, N. Ia. *Literatura i teatr: Stat'i raznykh let* [Literature and Theater: Articles from Different Years]. Moscow, Iskuststvo Publ., 1969, pp. 48–182. (In Russ.)

Bitsilli, P. M. "Tvorchestvo Chekhova. Opyt stilisticheskogo analiza" ["Chekhov's Creative Work. The Experience of Stylistic Analysis"]. Bitsilli, P. M. *Tragediia russkoi kul'tury: issledovaniia, stat'i, retsenzii* [The Tragedy of Russian Culture: Studies, Articles, Reviews]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2017, pp. 179–336. (In Russ.)

Golovacheva, A. G. "'...Nepremenno v palatso...': Pushkin — Dostoyevsky — Chekhov" ["'...By All Means to the Palazzo...': Pushkin — Dostoevsky — Chekhov"]. *Pushkin i Dostoyevskii* [Pushkin and Dostoyevsky]. Novgorod, Novgorod State University Publ., 1998, pp. 169–172. (In Russ.)

Gul'chenko, V. V. "Pozdnie smysly, ili Chekhov i Turgenev" ["Late Meanings, or Chekhov and Turgenev"]. A. P. Chekhov i I. S. Turgenev. *K 200 letiiu so dnia rozhdeniia I. S. Turgeneva* [A. P. Chekhov and I. S. Turgenev. The 200th Anniversary of I. S. Turgenev's Birth]. Moscow, A. A. Bakhrushin State Central Theatre Museum, 2020, pp. 212–223. (In Russ.)

Dubinina, T. G. "Tip 'lishnego cheloveka' v proze I. S. Turgeneva i A. P. Chekhova" ["Type of 'Extra Person' in the Prose of I. S. Turgenev and A. P. Chekhov"]. *Spasskii vestnik*, no. 30, 2024, pp. 158–164. (In Russ.)

Dubinina, T. G. "Turgenevskii kontekst v povesti A. P. Chekhova 'Rasskaz neizvestnogo cheloveka'" ["Turgenev's Context in the Novel 'The Story of an Unknown Man' by A. P. Chekhov"]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 1, 2023, pp. 129–137. <https://doi.org/10.17223/18137083/82/9> (In Russ.)

Zubkov, K. Iu. "'Antinigilisticheskii roman' kak polemicheskii konstrukt radikal'noi kritiki" ["'The Anti-Nihilistic Novel' as a Polemical Construct of Radical Criticism"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, no. 4, 2015, pp. 122–140. (In Russ.)

Kapustin, N. V. "'Ubiistvo' kak chekhovskii rasskaz" ["'Murder' as a Chekhov Story"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 2, 2022, pp. 150–165. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-2-150-165> (In Russ.)

Kvasov, O. N. "Tiuremnyi terror revoliutsionerov v Rossiiskoi imperii" ["Prison Terror of Revolutionaries in the Russian Empire"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, no. 72, 2021, pp. 44–49. <https://doi.org/10.17223/19988613/72/6> (In Russ.)

Kozubovskaia, G. P., and O. V. Artemova. "'Rasskaz neizvestnogo cheloveka' A. P. Chekhova: motiv edy / pishchi" ["'The Story of an Unknown Man' by A. P. Chekhov: The Motif of Eating / Food"]. *Vysshaia shkola: nauchnye issledovaniia: materialy Mezhvuzovskogo mezhdunarodnogo kongressa* [Higher School: Scientific Research: Proceedings of the Interuniversity International Congress]. Moscow, Infiniti Publ., 2022, pp. 26–34. (In Russ.)

Koren'kova, T. V. "Otrazhenie idei Zh.-M. Sharco v zhurnalistike A. S. Suvorina i proze A. P. Chekhova" ["Echoes of J.-M. Charcot's Ideas in Alexey Souvorin's Journalism and Anton Chekhov's Prose"]. *Chekhovskie chteniia v Ialte* [Chekhov Readings in Yalta], issue 29. Simferopol, Orianda Publ., 2024, pp. 61–75. (In Russ.)

Koren'kova, T. V. "...poiavilis' kakie-to novye trikhiny, sushchestva mikroskopicheskie": ekho antinigilisticheskikh romanov Dostoevskogo i Turgeneva v povesti Chekhova "Rasskaz neizvestnogo cheloveka". ["Some New Sorts of Microbes Were Attacking the Bodies of Men, but These Microbes Were Endowed with Intelligence and Will...": Echo of the Anti-Nihilist Novels by Dostoevsky and Turgenev in 'The Story of an Unknown Man' by Chekhov"]. *Chekhovskie chteniia v Ialte* [Chekhov Readings in Yalta], issue 27. Yalta, Crimean Literary and Art Memorial Museum-Reserve Publ., 2023, pp. 167–185. (In Russ.)

Koren'kova, T. V. "“Chto delat’?” — fraza-leitmotiv v ‘Rasskaze neizvestnogo cheloveka’ Chekhova v intertekstual’nom kontekste” [“What is to be done?” as a Thematic Repetition of ‘The Story of an Unknown Man’ by Chekhov in an Intrertextual Context”]. *Iazyk kak iskusstvo: funktsional’naiia semantika i poetika* [Language as Arts: Functional Semantics and Poetics]. Moscow, Patrice Lumumba Peoples’ Friendship University of Russia Publ., 2022, pp. 162–171. (In Russ.)

Koren'kova, T. V. "“Jam-mo! Jam-mo!...”: o psikhomuzykal’nykh priemakh v ‘Rasskaze neizvestnogo cheloveka’ A. P. Chekhova” [“Jam-mo!... Jam-mo!...”: Chekhov’s Psycho-Musical Techniques in ‘The Story of an Unknown Man’.”] *Chekhovskie chteniia v Ialte* [Chekhov Readings in Yalta], issue 28. Yalta, Crimean Literary and Art Memorial Museum-Reserve Publ., 2024, pp. 64–77. (In Russ.)

Kubasov, A. V. "Khudozhestvennaia polemika s A. P. Chekhovym v rasskaze T. L. Shchepkinoy-Kupernik ‘Oдиночество’.” [Artistic Polemic with A. P. Chekhov in the Story by T. L. Shchepkina-Kupernik ‘Loneliness’]. *Izvestiia Iuzhnogo federal’nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, vol. 25, no. 1, 2021, pp. 10–18. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2021-1-10-18> (In Russ.)

Kulikov, B. P. "Russkie pisateli i narodovol’cheskoe dvizhenie” [“Russian Writers and the Narodnaya Volya Movement”]. *Sotsial’nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriia 7: Literaturovedenie*, no. 2, 1995, pp. 121–136. (In Russ.)

Litovchenko, M. V. "Povest’ A. P. Chekhova ‘Rasskaz neizvestnogo cheloveka’: dialog s ‘oneginskim’ syuzhetom” [“A. P. Chekhov’s Novel ‘The Story of an Unknown Man’: A Dialogue with the ‘Onegin’s Plot’”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 3 (118), 2012, pp. 132–136. (In Russ.)

Lur’e, L. Ia. *Perepis’ narodnikov: ot Nechaeva do Degaeva* [The Census of the Narodniks: From Nechaev to Degaev]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2022. 303 p. (In Russ.)

Manannikova, A. Iu. "Muzykal’nyi ekfrasis v maloi proze 80–90-kh gg. XIX veka (na materiale proizvedenii L. N. Tolstogo, I. S. Turgeneva, A. P. Chekhova)” [“Musical Ecphrasis in Small Prose of the 80–90s of the 19th Century (Based on the Works of L. N. Tolstoy, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov)”]. *Literatura v shkole*, no. 4, 2024, pp. 33–43. <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2024-4-33-43> (In Russ.)

Mokina, N. V. "Motiv ‘veselia’ i funktsii smekha v proizvedeniiakh Ostrovskogo i Chekhova” [“The Motif of ‘Fun’ and the Functions of Laughter in the Works of Ostrovsky and Chekhov”]. A. P. Chekhov i A. N. Ostrovskiy: Po materialam V mezhdunarodnykh Skaftymovskikh chtenii [A. P. Chekhov and A. N. Ostrovsky: Proceedings of the 5th International Skaftymov Readings]. Moscow, A. A. Bakhrushin State Central Theatre Museum Publ., 2020, pp. 297–317. (In Russ.)

Novikova, E. G. "Turgenevskie motivy v 'Rasskaze neizvestnogo cheloveka' A. P. Chekhova (k probleme geroya)" ["Turgenev's Motifs in A. P. Chekhov's 'The Story of an Unknown Man' (On the Problem of the Hero)"]. *Problemy metoda i zhanra* [The Problems of Method and Genre]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1989, pp. 219–235. (In Russ.)

Nymm, E. Iu. "Vospriatie literaturnykh tekstov geroiami 'Rasskaza neizvestnogo cheloveka' A. P. Chekhova" ["The Perception of Literary Texts by the Characters of 'The Story of an Unknown Man' by A. P. Chekhov"]. *Iur'evskie chteniia* [Yuriev Readings], issue 1. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 1999, pp. 103–111. (In Russ.)

Ovchenko, Iu. V. "Provokatsiia na sluzhbe okhranki" ["Provocation at the Security Service"]. *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 1 (9), 2003, pp. 28–45. (In Russ.)

Parfenov, A. I. "Motiv mechty v 'Rasskaze neizvestnogo cheloveka' A. P. Chekhova: dialog s romanticheskoy traditsiiei" ["The Dream Motif in A. P. Chekhov's 'The Story of an Unknown Man': A Dialogue with the Romantic Tradition"]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, no. 2, 2014. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12344> (Accessed 19 October 2025). (In Russ.)

Rebel', G. M. "Chekhovskie variatsii na temu 'turgenevskoi devushki'" ["Chekhov's Variations on the Theme of 'Turgenev's Girl'"]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2012, pp. 144–170. (In Russ.)

Sakharova, E. M. "Rasskaz neizvestnogo cheloveka: kommentarii" ["The Story of an Unknown Man: Commentaries"]. Chekhov, A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniia: v 18 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Works: in 18 vols.], vol. 8. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 466–486. (In Russ.)

Semanova, M. L. "'Rasskaz neizvestnogo cheloveka' A. P. Chekhova (K voprosu o turgenevskikh traditsiiakh v tvorchestve Chekhova)" ["'The Story of an Unknown Man' by A. P. Chekhov (On the Issue of Turgenev Traditions in Chekhov's Work)"]. *Uchenye zapiski Leningradskogo pedagogicheskogo instituta*, vol. 170, 1958, pp. 125–134. (In Russ.)

Sobennikov, A. S. "Mif o liubvi v russkoi literature i ego retseptsiiia A. P. Chekhovym" ["The Myth of Love in Russian Literature and its Reception by Anton Chekhov"]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 1, 2019, pp. 82–91. <https://doi.org/10.17223/18137083/66/7> (In Russ.)

Filat, T. V. "'Rasskaz neizvestnogo cheloveka' A. P. Chekhova i Peterburgskii tekst russkoi literatury: problema intertekstual'nosti" ["'The Story of an Unknown Man' by A. P. Chekhov and the St. Petersburg Text of Russian Literature: The Problem of Intertextuality"]. *Visnik Universitetu imeni Al'freda Nobel'ia. Seriia: Filologichni nauki*, no. 2 (6), 2013, pp. 186–194. (In Russ.)

Tseitlin, A. G. "Siuzhetika antinigilisticheskogo romana" ["Plots of Antinigilism Novel"]. *Literatura i marksizm* [Literature and Marksizm], issue 2. Moscow, Leningrad, Sektor nauki Narkomprosa, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1929, pp. 33–74. (In Russ.)

Ianina, M. M. "Chelovek v khudozhestvennom mire Chekhova i Turgeneva (Gamlety i Don Kikhoty. Struktura obraza)" ["A Human in the Artistic World of Chekhov and

Turgenev (Hamlets and Don Quixotes. The Structure of the Imagery)"]. *Literaturnyi kalendar': knigi dnia*, vol. 4, no. 1, 2010, pp. 37–53. (In Russ.)

Clark, Michael, and Catherine Crawford, editors. "Cambridge History of Medicine." *Legal Medicine in History. Cambridge Studies in the History of Medicine*. Cambridge, Cambridge University Press, 1994, pp. 65–366. (In English)

Ferragu, Gilles. *Histoire du terrorisme*. Paris, Perrin, Tempus Publ., 2024, pp. 71–103. (In French)

Hahn, Judith. "Anarchisten, Attentäter Und Revolutionäre: Zur Psychopathologisierung 'politischer Verbrecher' Zwischen 1880 Und 1920." *Medizinhistorisches Journal*, vol. 51, no. 1, 2016, pp. 40–71. (In German)